

N. in 9992.
of. Ludwik Batowski.

~~Arch. Inst.~~
2100

3.4143

9921287

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ.

PUBLICATIONS
DU CABINET D'ARCHÉOLOGIE ET DE NUMISMATIQUE
à l'UNIVERSITÉ IMPÉRIALE de VARSOVIE.

1-ÈRE LIVRAISON.

CABINET D'ARCHÉOLOGIE
à l'UNIVERSITÉ IMPÉRIALE de VARSOVIE.

ESQUISSE HISTORIQUE

par

LE PROF. THÉODORE WIERZBOWSKI,
chargé de la direction du Cabinet.

VARSOVIE.

Imprimerie de l'Instruction Publique de l'Arrondissement de Varsovie.
Faubourg de Cracovie, № 3.

1904.

ИЗДАНІЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО и МУМИЗМАТИЧЕСКАГО КАБИНЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
ВЫПУСКЪ 1-ый.

2 АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ 2

составилъ

ПРОФ. ФЕДОРЪ ВЕРЖБОВСКІЙ,
завѣдывающій Кабинетомъ.

ВАРШАВА.
Въ Типографіи Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. Г. К. Ульяново.

ММ 21456

В. 4143

9921 d 87

Учрежденная въ 1815 г., Правительственная Комиссія Вѣроисповѣданій и Народнаго Просвѣщенія, занявшись организаціею и открытіемъ Королевскаго Александринскаго Университета, не упустила изъ виду и необходимости снабдить это высшее въ Царствѣ Польскомъ учебное заведеніе даже такими учебно-веномогательными учрежденіями, которыя лишь косвенно относились къ преподаваемымъ въ началѣ въ университетѣ предметамъ, но которыя со временемъ могли быть весьма полезными и пригодными для лучшей постановки и надлежащей полноты университетскаго преподаванія. Къ числу такихъ учрежденій относился Археологическій Кабинетъ. Сначала онъ долженъ былъ служить мѣстомъ скопленія матеріала, который на первыхъ порахъ могъ бы болѣе удовлетворять только любознательности членовъ университетской корпораціи и публики, и лишь впоследствии, если бы пополнился предметами и коллекціями въ разныхъ направленіяхъ, сдѣлался бы полезнымъ и необходимымъ пособіемъ при преподаваніи и изслѣдованіи польскихъ древностей въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Подобнаго рода учрежденіе скорѣе всего могло обогащаться содѣйствіемъ правительственныхъ органовъ и широкихъ круговъ самаго общества. Къ такому содѣйствію на первыхъ порахъ даже необходимо было прибѣгнуть, въ виду весьма незначительныхъ средствъ, какія Комиссія была бы въ состояніи выдѣлить изъ своего скромнаго бюджета для указанной цѣли.

Члены Комиссіи знали, что въ магистратахъ разныхъ городовъ и въ городскихъ складахъ или магазинахъ, а также въ церквахъ и церковныхъ ризницахъ, находились многіе отдѣльные предметы историко-археологическаго значенія, не рѣдко пренебрегаемые даже, какъ ненужная рухлядь, вслѣдствіе незнанія тѣхъ лицъ, которыя хотя и смотрѣли постоянно на эти предметы, но не были въ состояніи надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ

археологическаго значенія, между тѣмъ какъ эти предметы, будучи собраны въ одно мѣсто, приведены въ систематическій порядокъ и предохранены отъ дальнѣйшей порчи, принесли бы несомнѣнную пользу изученію археологіи.

Руководствуясь этою мыслью, Правительственная Комиссія Вѣроисповѣданій и Народнаго Просвѣщенія 28 мая 1821 г. ¹⁾ разослала циркулярное предложеніе тогдашнимъ воеводскимъ комиссіямъ, чтобы онѣ старались уговорить владѣльцевъ предметовъ древняго происхожденія, въ особенности же старыхъ сосудовъ и оружія, переслать таковыя на казенный счетъ въ Варшаву для обогащенія ими „Кабинета археологическихъ рѣдкостей“ (Gabinet starożytnych osobliwości), который предполагается устроить при Королевскомъ Варшавскомъ Университетѣ. При этомъ Комиссія не отказывалась входить въ соглашеніе съ владѣльцами такихъ предметовъ, въ случаѣ, если они пожелаютъ переуступить ихъ по дешевой цѣнѣ ²⁾. Такое же предложеніе, помѣченное тѣмъ же числомъ, было разослано всѣмъ католическимъ епархіальнымъ епископамъ въ Царствѣ Польскомъ и въ октябрѣ того же года было номѣщено въ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ ³⁾. Въ разосланныхъ циркулярахъ Комиссія высказала и желаніе, чтобы нересылаемые для Кабинета предметы были снабжаемы описью или свѣдѣніями о томъ, гдѣ они были найдены, къ какому относятся времени, каково ихъ происхожденіе и назначеніе.

Изъ числа духовныхъ сановниковъ одинъ только сандомирскій епископъ Адамъ Проснеръ Буржинскій откликнулся на предложеніе: 2 іюля онъ разослалъ всѣмъ настоятелямъ приходовъ своей епархіи предписаніе о томъ, чтобы они чрезъ подлежащихъ декановъ сообщили свѣдѣнія о имѣющихся при церквахъ древнихъ сосудахъ (не предназначенныхъ къ церковному употребленію), оружіи и т. п. предметахъ, заявивъ при этомъ, согласны-ли они уступить ихъ, ради общественной пользы, даромъ или за извѣстное вознагражденіе ⁴⁾. Это предписаніе не имѣло ожидаемыхъ послѣдствій. Въ декабрѣ того же года епископъ Буржинскій отвѣтилъ Комиссіи ⁵⁾, что изъ рапортовъ настоятелей оказалось, что подобнаго рода предметовъ совсѣмъ не имѣется при церквахъ. Слѣдуетъ полагать, что священники не считали себя въ правѣ хотя бы условно распоряжаться вещами, которыя были поднесены церквамъ въ даръ, а можетъ быть, и не

¹⁾ Всѣ даты по новому стилю.

²⁾ См. Приложенія, № 1.

³⁾ Приложеніе № 2. Въ „Kurjer Warszawski“ за 1821 годъ, № 240, отъ 8 октября, помѣщено содержаніе циркуляра; въ „Gazeta Warszawska“, № 161, отъ того же числа, онъ напечатанъ цѣликомъ.

⁴⁾ См. Приложенія, № 3.

⁵⁾ Тамъ же, № 4.

сочувствовали проекту въ виду извѣстнаго антагонизма, который въ это время существовалъ между органами свѣтской власти и духовнымъ сословіемъ. Уже тотъ фактъ, что другіе епископы не дали отвѣта на предложеніе Комиссіи, не можетъ быть не признанъ весьма знаменательнымъ.

Воеводскія Комиссіи оказались болѣе ревностными по отношенію къ данному вопросу; однако и ихъ посредничество не дало такихъ обильныхъ результатовъ, какихъ слѣдовало бы ожидать, тѣмъ болѣе, что и не все одинаково усердно приняли къ сердцу предложеніе Правительственной Комиссіи Народнаго Просвѣщенія. Комиссія плоцкаго воеводства доставила въ 1821 г. остатки двухъ кольгучъ, которыя оказались на лицо въ приходскомъ костелѣ въ селѣ Обрытѣ (въ разстояніи полторы мили отъ г. Пултуска) и которыя, по мѣстному преданію, переданы были въ мѣстную церковь послѣ окончанія шведскихъ войнъ, то есть, по всей вѣроятности, въ началѣ XVIII столѣтія¹⁾. Комиссія калишскаго воеводства прислала въ Кабинетъ какое-то желѣзное оружіе, желѣзный шлемъ и панцырь, которые найдены были въ ратушѣ г. Коло, были же пожертвованы туда около 1780 г. полковникомъ Бартусевичемъ, владѣльцемъ деревни Обржембинъ, въ засвидѣтельствованіе тѣсной дружбы его съ тогдашнимъ кольскимъ бургомистромъ Свидерскимъ. Комиссія августовскаго воеводства въ декабрѣ 1821 г. сообщила Правительственной Комиссіи Народнаго Просвѣщенія, что, согласно ранортамъ ея депутатовъ, въ деревнѣ Кучинѣ, Ломжинскаго уѣзда, у Михаила Старжинскаго находятся: 1) осадное ружье изъ хорошаго желѣза съ фитильной задвижкой, 2) колуврина длиною въ 6 рейнскихъ футовъ съ французскимъ замкомъ; депутатъ не добылъ никакихъ свѣдѣній о происхожденіи этихъ предметовъ, сверхъ того, что они раньше принадлежали нѣкоимъ Гонсіоровскимъ, получившимъ имѣніе Кучинъ-Гродекъ въ награду за военныя заслуги, и что названныя орудія вмѣстѣ съ этимъ же имѣніемъ перешли въ собственность къ Старжинскому, который и поднесъ ихъ въ даръ университетскому Кабинету. Затѣмъ въ г. Визнѣ, въ мѣстной католической церкви, оказался шведскій военный штандартъ, который, по традиціи, во время сраженія у деревни Русъ, вблизи Визны, въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія, былъ отнятъ у шведской кавалеріи и предводителемъ польскаго войска польнымъ гетманомъ Стефаномъ Чарнецкимъ подаренъ былъ въ Визненскій костелъ въ память побѣды, одержанной надъ шведами. Настоятель прихода и костельно-приходское попечительство изъявили свое согласіе на передачу этого штандарта въ Кабинетъ; но высказали опасеніе, что штандартъ отъ ветхости

¹⁾ Дѣло Кабинета древностей 36 В, въ архивѣ Варшавскаго Учебнаго Округа; отсюда заимствованы и другія сообщенія, равно какъ и документы № № 1—8, отпечатанные въ Приложеніяхъ.

можетъ разсыпаться, когда его двинуть съ мѣста. Правительственная Комиссія приказала, чтобы прежде всего сдѣлать рисунокъ штандарта, не двигая его съ мѣста, затѣмъ, чтобы его осторожно сняли, распростерли на плоскости и опить срисовали, съ соблюденіемъ пропорцій и красокъ; только послѣ этого слѣдовало надлежащимъ образомъ упаковать его и выслать въ Варшаву. Воеводская Комиссія поручила это дѣло архитектору ломжинскаго округа Зейфриду, который въ іюнѣ 1822 г. исполнилъ это приказаніе и, разобравъ штандартъ на части и унаковавъ его, оставилъ на мѣстѣ до дальнѣйшаго распоряженія, рисунокъ же и объясненіе его выслалъ въ воеводскую комиссію для доставленія въ Варшаву ¹⁾. Въ г. Равѣ, въ деревянномъ костелѣ св. Станислава, хранились „съ незапамятныхъ временъ“ двѣ большія кости гигантскихъ животныхъ, и „i między niemi piszczel bardzo wielki“ ²⁾; онѣ висѣли на церковной стѣнѣ и въ сентябрѣ 1821 г. были сняты и высланы въ Кабинетъ.

Въ теченіе затѣмъ послѣдующихъ лѣтъ 20-хъ годовъ Кабинетъ обогатился весьма немногими предметами. Въ 1822 г. поступилъ въ даръ бюстъ гр. Станислава Потоцкаго, работы Малинскаго, присланный изъ Рима и въ 1823—1824 гг. 18 урнѣ, которыя были открыты при нивелировкѣ Бельведерскаго сада и на грунтѣ Лазенокъ при раскопкѣ почвы для фундаментовъ кавалерійскихъ казармъ; о послѣднихъ лишь имѣется документальное указаніе, что онѣ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ были переданы въ распоряженіе министра, предѣдательствующаго въ Правительственной Комиссіи Народнаго Просвѣщенія, съ предназначеніемъ ихъ для коллекцій Королевскаго Университета или Варшавскаго Общества Любителей Наукъ ³⁾.

Когда въ 1823 г. въ деревнѣ Вроцимовице случайно были вскрыты два старыхъ погреба или скорѣе могилы, воеводская комиссія краковскаго воеводства предписала, чтобы археологическіе предметы, которые могли бы быть тамъ найдены, хотя бы за извѣстное вознагражденіе, были доставлены въ университетскій археологическій Кабинетъ ⁴⁾. Ничего не получено оттуда, но всетаки данное свѣдѣніе служить доказательствомъ заботъ административныхъ властей объ университетскомъ научномъ учрежденіи. И ка-

¹⁾ См. Приложение № 5; рисунка не имѣется въ дѣлѣ и штандарта нѣтъ въ Кабинетѣ; нѣтъ указаній и на то, былъ ли названный штандартъ дѣйствительно доставленъ въ Варшаву.

²⁾ Такъ пишетъ какой-то корреспондентъ газеты „Kurjer Warszawski“ (1821 г., № 24), отъ 9 октября; но неизвѣстно, что онъ понимаетъ подъ словомъ „piszczel“: дуло-ли огнестрѣльнаго оружія, или же голенную или берцовую кость. Кости, по всей вѣроятности, были переданы въ зоологическій кабинетъ.

³⁾ См. Приложение № 6.

⁴⁾ Тамъ же, № 7.

жется, что, благодаря преимущественно имъ, Кабинетъ въ 1824 г. имѣлъ на лицо 50 предметовъ ¹⁾; но каковы, именно, были эти предметы сегодня опредѣлить невозможно. Правительственная Комиссія въ циркулярѣ своемъ заявила, что имена жертвователей будутъ вносимы въ особую для этого заведенную книгу; но послѣдняя не сохранилась и неизвѣстно, существовала ли она когда-либо. Инвентарная книга однако, кажется, велась, такъ какъ отъ 1826 г. имѣется сообщеніе, что въ теченіе его прибыло или пожертвовано въ даръ 16 предметовъ ²⁾. Въ „index lectionum“ на 18^{20/21}, 18^{29/30} и 18^{30/31} академическіе годы указанъ въ числѣ другихъ одинъ лишь нумизматическій кабинетъ, объ археологическомъ же нѣтъ ни слова, и ректоръ Швейковскій въ отчетахъ о состояніи университета, читанныхъ ежегодно на торжественныхъ актахъ, также упоминаетъ о постепенномъ обогащеніи и лучшей постановкѣ одного нумизматическаго кабинета. Видимо, что на археологическій кабинетъ все смотрѣли какъ на „создаваемый только“ ³⁾; да и самъ завѣдывающій имъ секретарь университета и профессоръ исторіи польской литературы Казимиръ Бродзинскій, должно быть, мало интересовался вѣрнымъ ему учрежденіемъ, въ виду другихъ занятій и влеченій; Бродзинскій, впрочемъ, числился завѣдывающимъ только въ теченіе двухъ лѣтъ: 182^{6/7} и 182^{7/8} годовъ ⁴⁾. По всей вѣроятности, лѣтомъ 1828 г. онъ совсѣмъ отказался отъ завѣдыванія Кабинетомъ, и, быть можетъ, одновременно съ этимъ, въ виду небольшого числа хранящихся въ Кабинетѣ предметовъ было порѣшено присоединить кабинетъ археологическій къ нумизматическому и передать его въ вѣдѣніе завѣдывающаго послѣднимъ — Феликса Бентковскаго ⁵⁾, декана факультета знаній и изящныхъ искусствъ и профессора всеобщей исторіи, впоследствии же начальника Главнаго Архива Царства Польскаго. Въ 1830 г. числилось по археологическому кабинету только 37 предметовъ ⁶⁾; я полагаю, ноэтому, что Бентковскій перечислилъ въ нумизматическій кабинетъ такіе предметы, какъ напр. печати, которые первоначально пожертвованы были въ кабинетъ археологическій.

Когда въ 1831 г. Королевскій Александринскій университетъ былъ закрытъ, кабинеты: зоологическій, ботанический, минералогическій и гипсовыхъ фигуръ поступили въ вѣдѣніе Варшавскаго Учебнаго Округа, и

¹⁾ Rocznik instytucyj religijnych i edukacyjnych rok 1824, стр. 105.

²⁾ Rocznik instytucyj religijnych i edukacyjnych, rok 182^{6/7}, стр. 216.

³⁾ Kalendarzyk nowy polityczny na rok 1826, статья: Opis historyczno-statystyczny miasta stołecznego Warszawy, стр. 592: „Gabinet starożytności dopiero się tworzy...“

⁴⁾ Nowy kalendarzyk polityczny na rok 1827, стр. 130, и такой же на 1828 годъ, стр. 149.

⁵⁾ Nowy kalendarzyk polityczny na rok 1829, стр. 154, и такой же на 1830 годъ, стр. 169.

⁶⁾ Rocznik instytucyj religijnych i edukacyjnych w Królestwie Polskiem na rok 1830, стр. 141.

завѣдывалъ ими особый директоръ (Феликсъ Яроцкій), имѣвшій для этого адъюнктъ-помощника ¹⁾; кабинеты же: археологическій, нумизматическій и эстамповъ были переданы въ Главную Библіотечку, или, говоря точнѣе, остались при ней, какъ помѣщавшіеся въ библіотечномъ зданіи.

Весьма понятно, что въ непосредственно ближайшее затѣмъ время никто не думалъ о томъ, чтобы обогащать Кабинетъ новыми дарами и систематически пополнять его коллекціи. Казалось бы, по меньшей мѣрѣ, что археологическіе предметы, постоянно находимые въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго, должны быть ех offiціо передаваемы въ Кабинетъ; но и это случалось рѣдко, несомнѣнно и по той также причинѣ, что до-историческая археологія была тогда въ зародышѣ; въ могилахъ и урнахъ искали кладовъ и денегъ, а не памятниковъ культуры, не раскапывали могилъ правильно, не умѣли добывать урнъ, никто не имѣлъ права контроля надъ раскопками. Вслѣдствіе этого, многіе памятники первобытной культуры, и въ особенности урны, были испорчены или же переходили по обыкновенію въ частныя руки. Если же случилось, что оффиціальныя сферы узнали случайно объ археологической находкѣ, то и тогда благія намѣренія ихъ сохранить или обезпечить найденное не приводили къ положительнымъ результатамъ. Одинъ фактъ представляетъ этому наглядную иллюстрацію. Осенью 1844 г., конечно, до наступленія дождливой и снѣжной погоды, вѣтеръ разнесъ песокъ на вершинахъ песчаныхъ возвышеній вблизи г. Лэнчны, Люблинской губерніи, и вскрылъ рядъ урнъ, или до-историческое кладбище. Губернское Правленіе, узнавъ объ этомъ изъ донесенія начальника Люблинскаго уѣзда, сообщило о семъ попечителю Варшавскаго учебнаго округа и, распорядившись относительно обезпеченія мѣста находки, предложило директору Люблинской гимназіи командировать туда одного изъ учителей для добытія и описанія найденныхъ урнъ. Дѣло было поручено учителю Феликсу Езерскому, который прибылъ на мѣсто только 2 мая 1844 г. и, видимо, не нашелъ уже ни одной цѣльной урны, такъ какъ рапортъ его о поѣздѣ туда не содержитъ никакихъ свѣдѣній о находкѣ, которыя могли бы имѣть научное значеніе ²⁾. Все-таки, не смотря на подобныя отношенія, кажется, въ этотъ періодъ времени были доставлены или пожертвованы въ Кабинетъ: 6 урнъ и глиняныхъ сосудовъ неизвѣстнаго происхожденія; одна урна, найденная въ Тарногородѣ, Билгорайскаго уѣзда, Люблинской губерніи; одна урна съ крышкой весьма интересной формы и хорошо сохранившаяся, найденная въ окрестностяхъ г. Лэнчицы, и, нако-

¹⁾ Kalendarzyk polityczny na rok 1835, стр. 120; что только четыре упомянутыхъ кабинета были выдѣлены подъ особымъ управленіемъ, видно изъ „Kalendarzyk polityczny na rok 1838“, стр. 149.

²⁾ См. Приложенія, № 8.

нецъ, 23 урны, найденныя въ селѣ Нетулиско Опатовскаго уѣзда Радомской губерніи, попавшія въ Кабинетъ въ 1852 г. ¹⁾).

Внѣ этого о состояніи и положеніи Кабинета впродъ до конца 60-хъ годовъ никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Изъ устныхъ источниковъ мнѣ извѣстно, что состоящій при Главной Библіотекѣ литераторъ и археологъ Ипполитъ Скимборовичъ специально интересовался археологическимъ кабинетомъ и старался пополнять его дарами, получаемыми отъ разныхъ лицъ, въ надеждѣ проложить такимъ образомъ путь къ учрежденію въ Варшавской Главной Школѣ кафедры археологіи, на которую онъ надѣялся получить назначеніе. Самою важною заслугою Скимборовича было составленіе первой описи предметамъ, хранившимся въ Кабинетѣ.

Въ это, именно, время произошло преобразование Варшавской Главной Школы въ Императорскій Варшавскій Университетъ. Судьба Главной Библіотеки и соединенныхъ съ нею кабинетовъ — археологическаго и нумизматическаго, была рѣшена Высочайше утвержденнымъ въ 1 день мая мѣсяца 1871 г. положеніемъ Комитета по дѣламъ Царства Польскаго. Въ силу его библіотека и кабинеты были переданы въ вѣдѣніе новаго университета. Для пріема ихъ Совѣтомъ университета была избрана особая коммиссія, состоявшая изъ профессоровъ: М. М. Троицкаго, Г. Ю. Струве, К. О. Юркевича, П. И. Вейнберга и В. П. Крылова, подъ предсѣдательствомъ декана юридическаго факультета Г. В. Кашницы ²⁾). Неофициальный хранитель музея древностей, или археологическаго Кабинета, Ипполитъ Скимборовичъ сдалъ его названной коммиссіи 22 іюня 1871 г., предсѣдатель же коммиссіи деканъ Кашница, ^{17/29} ноября того же года ³⁾, сдалъ кабинетъ профессору А. Э. Мѣржинскому, который историко-филологическимъ факультетомъ былъ избранъ завѣдывающимъ и утвержденъ въ этой должности въ засѣданіи Совѣта, происходившемъ 9 ноября ⁴⁾).

Составленная Скимборовичемъ инвентарная опись предметамъ археологическаго кабинета раздѣляется на три части. Въ I-ой части описаны

¹⁾ Эта находка описана Ф. Собѣщанскимъ въ книгѣ „Wycieczka archeologiczna w niektóre strony guberni Radomskiej“. Warszawa, 1851, и въ статьѣ „О древностяхъ, найденныхъ въ Радомской губерніи“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1852 г., томъ 74, стр. 93.

²⁾ Предложеніе Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа, отъ 19 мая 1871 г., № 3889; Протоколъ засѣданій Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета 8 іюня того же года, статья 1-ая (Варшавскія Университетскія Извѣстія, за 1871 годъ, выпускъ 4, стр. 390).

³⁾ Согласно замѣткамъ, имѣющимся въ составленной Скимборовичемъ инвентарной описи Кабинета.

⁴⁾ Протоколъ засѣданій Совѣта, статья 9-ая (Извѣстія Варшавскаго Университета за 1872 годъ, выпускъ 1, стр. 15).

предметы, числомъ 223, которые 29 июля 1869 г. сданы были въ Кабинетъ почетнымъ директоромъ музея изящныхъ искусствъ Киркеромъ. Тутъ были: 1) предметы, переданные въ музей изящныхъ искусствъ изъ зоологическаго и бывшаго гипсового кабинета (числомъ 155), а именно: гипсовые бюсты разныхъ ученыхъ, вооруженіе нервобытныхъ народовъ и рыцарскаго періода, разные историческо-археологическіе предметы; всѣ они, за исключеніемъ бюстовъ, обратно сданныхъ въ университетскую фундаментальную бібліотеку, и модели памятника короля Яна III Собѣскаго, работы Шинка, находятся въ Кабинетѣ понынѣ ¹⁾; 2) нять номеровъ, поступившихъ въ музей изящныхъ искусствъ изъ Варшавскаго Рисовальнаго Класа, а именно, модели: Колізея, арки Константина, храма Весты, которыя имѣются въ Кабинетѣ понынѣ, и затѣмъ обратно переданныя въ музей модель какого-то троннаго зала и двѣ новрежденныхъ модели церквей; 3) картины и портреты, числомъ 63, переданные въ музей изящныхъ искусствъ изъ упраздненныхъ варшавскихъ монастырей, а именно:

а) Изъ монастыря бернардиновъ: 1) *vera affigies s. Augustini, episcopi Hirrolensis* ²⁾; 2) картина, представляющая введеніе бернардиновъ въ церковь на предмѣстьѣ Прагѣ, съ видомъ этой же церкви.

б) Изъ монастыря кармелитанцевъ: 1) *mater Christina a s. Michaelae, natione belga, 16 annis a fundatione sua in Polonia obiit anno 1648 die 9 septembris, aetatis suae anno 48*; 2) *Andreas Josephus Sławęcki canonicus*; 3) *frater Florentius a Jesu Nasariensis*; 4) *frater Elias a s. Alberto carmelita*; 5) портретъ неизвѣстнаго каноника Варшавскаго кафедральнаго костела; 6) *Stanislaus Lubomirski, palatinus Cracoviensis*; 7) *Michaël Servatius dux Coributh*; 8) *Albrechtus Wessel* (всѣ три портрета въ натуральную величину); 9) *A. B. N. P. Adrianus a s. Theresia Czechowicz*; 10) корридорный колоколь съ надписью: *me fecit A. W. anno 1669 Gedaniensis* ³⁾.

в) Изъ монастыря миссіонеровъ: 1) портретъ короля Станислава Августа, писанный пастелями живописцемъ Мартò (Marteau); 2) картина, пзображающая вѣнчаніе св. Екатерины; портреты: 3) гнѣзненскаго архіепископа Θεодора Потоцкаго; 4) неизвѣстнаго гнѣзненскаго архидіакона; 5) епископа, означенный инициалами А. В.—Е. Р. ⁴⁾; 6) примаса Михаила

¹⁾ Въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ настоящаго изданія будетъ мною напечатанъ полный каталогъ предметовъ, хранящихся въ Археологическомъ Кабинетѣ, съ указаніемъ происхожденія каждаго предмета.

²⁾ Видимо, эти надписи находились на самихъ портретахъ.

³⁾ Имѣется нынѣ въ Кабинетѣ.

⁴⁾ Должно быть *Albertus Baranowski, episcopus Praemisiensis (1584—1591), или Plocensis (1591—1607)*; онъ началъ строить въ Варшавѣ дворець для плоцкихъ епископовъ, названный впослѣдствіи Примасовскимъ, такъ какъ въ немъ жили гнѣзненскіе архіепископы—примасы, каковымъ былъ и тотъ же Барановскій съ 1608 по 1616 годъ.

Понятовскаго; 7) неизвѣстнаго епископа; 8) короля Яна III Собѣскаго; 9) короля Станислава Августа Понятовскаго въ досиѣхахъ ¹⁾; 10) львовскаго архіепископа Николая Выжицкаго; 11) королевы Маріи Собѣской; 12) Анны Збонской; 13) познанскаго епископа Θεодора Чарторыскаго; 14) кардинала прімаса Михаила Радзеевскаго; 15) неизвѣстнаго кардинала; 16) краковскаго епископа Яна Малаховскаго; 17) неизвѣстнаго сенатора; 18) гнѣзненскаго архіепископа Станислава Шембека; 19) неизвѣстнаго епископа; 20) краковскаго суффрагана Михаила Шембека; 21) короля Августа III; 22) королевы Маріи Собѣской; 23) влодавскаго епископа Кристиана Шембека; 24) подляскаго воеводы Михаила Сапѣги; 25) ксендза Іоанна Бодуэна ²⁾; 26) краковскаго епископа Каетана Солтыка; 27) какого-то Сапѣги; 28) варшавскаго герцога Фридриха Августа; 29) картина, представляющая жертвоприношеніе Исаака; 30) картина, пзображающая Іисуса Христа и невѣрнаго Оуму:

г) Изъ монастыря доминиканцевъ: 1) Fr. Joannes Damascenus Lubieniecki M. W. P. conventus Varsoviensis, episcopus Vacoviensis, studii generalis procurator; 2) Fr. Antonius Dominicus Wrzeszcz, sacrae theologiae magister, conventus Varsoviensis filius; 3) Fr. Vincentius Gotti cardinalis; 4) effigies ven. patris magistri Francisci Thomae Lemos hispani, † 23 augusti 1629, anno aetatis suae 70; 5) Fr. Hyacinthus Baryczka O. P. conventus Varsoviensis et ecclesiae rector; 6) Thomas Ripoll, magister zakonu generalis, 1720; 7) портретъ папы Пія VI; 8) Fr. Thomas Królikowski, sacrae theologiae magister, prior Varsoviensis et provincialis Poloniae, obiit Varsoviae anno 1756 die 7 octobris; 9) Paulus, episcopus Posnaniae, ab Innocentio IV creatus.

г) Изъ монастыря капуциновъ: портретъ неизвѣстнаго кафедральнаго каноника.

е) Изъ монастыря августинцевъ: 1) P. Erasmus Bartolt augustinus, sacrae theologiae doctor, per ultram Poloniae provinciam provincialis, vixit 70 annis, mortuus anno 1786; 2) Fr. Alipius Niedzielski, quartus provincialis provinciae Poloniae, obiit 1727; 3) P. Simplicianus Wolchynka, sacrae theologiae licentiat; 4) Magister frater Adalbertus Kocierzynski, augustinorum bis provincialis, conventus Varsoviensis benefactor (портретъ, писанный пастелью); 5) Magister Franciscus Erasmus Bartolt, sacrae theologiae doctor, bis provincialis provinciae Poloniae, conventus Varsoviensis benefactor (портретъ пастелью); портреты: 6) прімаса Михаила Понятовскаго; 7) короля Яна III Собѣскаго; 8) короля Станислава Августа; 9) Краснодембскаго, судьи черской земли; 10) Станислава Войши изъ Бзова, смоленскаго подстоля; 11) B. Jsaias, sacrae theologiae doctor, Boner augustinus.

II-я часть описи обнимаетъ предметы, которые, согласно предписа-

¹⁾ Имѣется въ Кабинетѣ поныиѣ.

²⁾ Имѣется въ Кабинетѣ поныиѣ.

нію попечителя Варшавскаго учебнаго округа, отъ 16 іюля 1869 г., были переданы изъ Главной Библіотеки въ музей древностей; это были бюро въ стилѣ boull, принадлежавшее королю Яну III Собѣскому; дипломъ учрежденія Александринскаго Университета; баварскій литографическій камень съ рисунками гербовъ и 30 урнъ и слезницъ.

III-ья, наконецъ, часть описи, состоитъ изъ 81 предмета, которые, по большей части, были собраны усиліями Ипполита Скимборовича, въ томъ числѣ 32 штуки массонскихъ печатей, лентъ, нагрудниковъ и кокардъ, присланныхъ въ музей намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ гр. О. Бергомъ.

Въ общемъ описи Скимборовича обнимаютъ 324 номера, въ 2030 экземплярахъ, оцѣненныхъ въ 3427 руб. 53 коп.

Проф. Мѣржинскій, принявъ на себя завѣдываніе Кабинетомъ, занялся устройствомъ и лучшею постановкою его. Съ этою цѣлью онъ предложилъ совѣмъ исключить, вслѣдствіе полной испорченности, двѣ модели храмовъ и барельефъ, изображающій Іосифа Гарибальди (*Guerra d'Italia*), оцѣненные первоначально въ 375 руб. 50 коп., на что Правленіе Университета изъявило свое согласіе¹⁾. Затѣмъ, въ рапортѣ отъ 19 октября 1872 г., онъ предложилъ передать въ рисовальный залъ модель памятника Собѣскаго работы Пинка, большую часть бюстовъ, гипсовыхъ масокъ и почти всѣ картины: въ общемъ 118 предметовъ, оцѣненныхъ въ 325 руб. 5 коп. Всѣ эти предметы, съ разрѣшенія Попечителя Округа, были 31 января 1873 г. по протоколу приняты завѣдывающимъ перепискою рисовальнаго зала Владиславомъ Хржановскимъ²⁾. Проф. Мѣржинскій поставилъ себѣ цѣлью составить новую опись, завести журналъ для переписки, починить поврежденные предметы и замки, снабдить Кабинетъ необходимою мебелью и принадлежностями; онъ старался и о томъ, чтобы выхлопотать для Кабинета лучшее помѣщеніе въ трехъ угловыхъ комнатахъ въ нижнемъ этажѣ нынѣшняго аудиторнаго зданія (бывшей Фундаментальной Библіотеки), которыя слѣдовало очистить и перестроить такъ, чтобы онѣ могли быть отапливаемы со стороны корридора; наконецъ, онъ предполагалъ пополнить кабинетъ по части греческой и римской археологіи (картами, топографическими снимками древнихъ городовъ и т. п.) и для сей послѣдней цѣли просилъ объ ассигнованіи 1000 руб.³⁾ Однако всѣ эти проекты не нашли себѣ сочувственнаго отголоска въ Правленіи и, въ особенности, когда было отвергнуто послѣднее предложеніе, особенно важное для проф. Мѣржинскаго, вслѣдствіе чтенія имъ въ университетѣ лекцій по греческимъ древностямъ, то онъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи отъ

¹⁾ Предложеніе отъ 26 марта 1873 г., за № 465.

²⁾ Дѣло Кабинета древностей въ канцеляріи университетскаго Правленія.

³⁾ Рапорты на имя ректора университета отъ 25 апрѣля и 10 мая 1873 г. въ дѣлѣ Кабинета древностей въ канцеляріи университетскаго Правленія.

должности завѣдывающаго археологическимъ кабинетомъ ¹⁾). Въ средѣ историко-филологическаго факультета не было охотниковъ къ принятію этой обязанности, поэтому дѣло осталось въ прежнемъ положеніи, вызвавъ лишь въ завѣдывающемъ охлажденіе къ болѣе усерднымъ занятіямъ по части довѣренныхъ ему коллекцій. Когда, по Высочайшему соизволенію, послѣдовавшему въ 14 день декабря 1875 г., отдѣленіе гинсовыхъ фигуръ и статуй, входившее въ составъ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, было передано въ вѣдѣніе Университета, ректоръ послѣдняго Н. Благовѣщенскій 5 января 1876 г. предложилъ проф. Мѣржинскому ²⁾ принять на себя завѣдываніе кабинетомъ гинсовыхъ фигуръ и статуй. Еще въ маѣ мѣсяцѣ 1877 г. проф. Мѣржинскій числился завѣдывающимъ археологическимъ кабинетомъ, но должно быть вскорѣ послѣ этого передалъ его новому завѣдывающему—проф. Адольфу Ивановичу Павинскому ³⁾.

Послѣдствіемъ назначенія проф. Павинскаго завѣдывающимъ археологическимъ кабинетомъ было то, что послѣдній вторично соединенъ былъ въ одно съ нумизматическимъ кабинетомъ, надзоръ надъ которымъ былъ порученъ названному профессору еще въ 1871 г.

Оба кабинета номѣщались въ одной небольшой комнатѣ, находящейся въ правомъ углу бывшаго зданія Фундаментальной библіотеки. Велѣдствіе тѣсноты помѣщенія, предметы были сгромажены въ кучу; доступъ къ нимъ, осмотръ и пользованіе ими были почти невозможны; кабинеты оставались закрытыми почти наглухо. Мало того. Комната была сыра и плохо отапливалась; влага и ниль съѣдали предметы, замки ржавѣли и не дѣйствовали, въ витринахъ и ящикахъ сукно отклеивалось или портилось молю, ящики и подкладки коробились. Кабинеты оставались въ этомъ номѣщеніи до весны 1894 г. Оба они считались неразрывно соединенными съ Фундаментальною Библіотекою, поэтому, когда для послѣдней было выстроено новое зданіе, то въ немъ и для названныхъ кабинетовъ была отведена въ третьемъ этажѣ особая комната. Это номѣщеніе было суше, но всетаки не совсѣмъ удобное и мало просторное. Послѣ перенесенія туда кабинетовъ, всѣ имѣющіеся въ нихъ предметы были оставлены въ томъ состояніи, въ какомъ они находились раньше, и по части очистки, благоустройства Кабинета и содержанія его въ порядкѣ ничего не было сдѣлано. Завѣдывающій, исключивъ изъ археологическаго кабинета 45 бюстовъ, 9 шкафовъ и столовъ на общую сумму 259 руб., занялся было составленіемъ новой краткой описи предметамъ его, но довелъ ее

¹⁾ Рапортъ на имя ректора отъ 30 декабря 1874 г., тамъ же.

²⁾ Предложеніе ректора, тамъ же.

³⁾ Въ дѣлѣ Кабинета древностей, находящемся въ канцеляріи Правленія имѣется полный пробѣлъ съ мая 1877 по 1882 годъ; нѣтъ никакихъ бумагъ за это время и въ дѣлахъ самого Кабинета; нѣтъ о немъ свѣдѣній и въ протоколахъ засѣданій историко-филологическаго факультета и университетскаго совѣта; въ описи, составленной Скимборовичемъ, есть замѣтка Мѣржинскаго, какъ сдающаго, и Павинскаго, какъ принимающаго Кабинетъ, но она не снабжена никакою датой.

только до 154 номера. Чувствовалась въ ней надобность тѣмъ болѣе необходимая, что еще въ 80-хъ годахъ Кабинетъ сталъ обогащаться новыми предметами, пожертвованными разными учрежденіями и лицами. Правленіе университета въ 1882 г. препроводило въ Кабинетъ кремневое ружье, найденное въ библиотечныхъ подвалахъ. Императорская Археологическая Комиссія прислала одинъ изъ 72 серебряныхъ слитковъ, случайно найденныхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1882 г. близъ деревни Ташкирмень, Лапшевскаго уѣзда, Казанской губерніи, и одну изъ десяти серебряныхъ шейныхъ гривей, найденныхъ въ 1891 г. въ деревнѣ Качкашурѣ, Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, Людотурской волости; отъ нея тоже поступила въ даръ въ 1893 г. планшетка съ укрѣпленными на ней обломками украшеній, найденныхъ въ деревнѣ Лъдзань, Ласкаго уѣзда, Петроковской губерніи. Кѣлецкій губернаторъ въ томъ же году прислалъ два чугунныхъ орудія, найденныя на чердакѣ при ремонтѣ зданія католическаго кафедральнаго костела, служившія въ давнее время для стрѣльбы въ дни Свѣтлаго Воскресенья и Вожьяго Тѣла. Въ 1895 г. Правленіе Варшавскаго университета передало въ археологическій кабинетъ металлическую пластинку съ надписью объ основаніи костела, найденную тогда въ Варшавѣ на Долгой улицѣ при разборкѣ фундаментовъ старыхъ зданій. Посредствомъ обмѣна на дублеты Фундаментальной Библиотеки, Кабинетъ обогатился двумя интересными коллекціями: 236 гербами и надписями, рѣзанными на полу-драгоценныхъ камняхъ и 212 печатями частныхъ лицъ, сановниковъ и бывшихъ польскихъ правительственныхъ учреждений. Въ 1896 г. числилось въ общемъ въ Кабинетѣ 237 номеровъ въ 1970 экземплярахъ, стоимостью въ 2975 руб. 78 коп.

Вслѣдствіе болѣзни проф. Павинскаго (скончавшагося вслѣдъ за тѣмъ 12 августа), оба Кабинета, согласно постановленію Правленія Университета, отъ 6 іюня 1896 г., были приняты въ вѣдѣніе послѣдняго и осмотрены и. д. ректора Г. Э. Зенгеромъ, деканомъ историко-филологическаго факультета П. Кулаковскимъ, и. д. библіотекаря А. Худзинскимъ и секретаремъ Правленія И. Дектяровымъ, въ ноябрѣ же того же года были сданы проф. Вержбовскому, который историко-филологическимъ факультетомъ былъ избранъ завѣдывающимъ тѣмъ и другимъ кабинетомъ ¹⁾.

Проф. Вержбовскій, имѣя въ виду дать правильную постановку въѣренному ему учрежденію, прежде всего занялся приведеніемъ его въ порядокъ, очисткою предметовъ, насколько это было умѣстнымъ и возможнымъ, отъ послѣдствій храненія ихъ раньше во влажномъ помѣщеніи, починкою и обновленіемъ мебели, шкафовъ и витринъ, пріобрѣтеніемъ новыхъ для болѣе удобнаго и взрачнаго размѣщенія предметовъ. Это оказалось возможнымъ, благодаря специально отпущенному для этой цѣли кредиту въ

¹⁾ Предложеніе Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа на имя Ректора Университета, отъ 18 октября 1896 г., за № 16417.

225 руб., бoльшая часть коего была употреблена на пріобрѣтеніе четырехъ шкафовъ со стеклянными стѣнами для помѣщенія въ нихъ мумій и крышекъ ихъ. Лишь послѣ этого можно было признать Кабинетъ доступнымъ для публики и для ученыхъ. Съ этою же цѣлью были выработаны завѣдывающимъ особья „Правила, соблюдаемыя при посѣщеніи Археологическаго и Нумизматическаго Кабинета Императорскаго Варшавскаго Университета”,¹⁾ которыя 27 ноября 1897 г. были одобрены Совѣтомъ Университета и 3 января 1898 г. утверждены Попечителемъ Варшавскаго Учебнаго Округа.

Временно Кабинетъ еще закрытъ для публики²⁾, однако члены университетской корпораціи и ученые пользуются его коллекціями. Бывшій лаборантъ при кафедрѣ физики В. Бернацкій пользовался одною изъ лучше сохранныхъ и замѣчательныхъ по формѣ древнихъ урнъ, найденною въ окрестностяхъ Лэнчицы, для производства наблюденій надъ вліяніемъ ея на колебанія магнитной стрѣлки, что дало указанія для опредѣленія приблизительнаго времени происхожденія самой урны. Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета Б. Б. Тураевъ, специалистъ по египтологіи, осматривалъ имѣющіяся въ Кабинетѣ египетскія древности. Хранитель Національнаго Музея въ Буда-Пештѣ А. Посташелячъ изучалъ и снималъ фотографіи съ археологическихъ предметовъ до-исторической эпохи (кремневые осколки, бронзовыя ожерелья, оружіе), найденныхъ на славянскихъ земляхъ.

Заботы завѣдывающаго были затѣмъ направлены къ тому, чтобы окончательно опредѣлить и установить положеніе какъ археологическаго, такъ и нумизматическаго кабинета. Съ этою цѣлью проф. Вержбовскій составилъ докладную записку³⁾, въ которой, указывая на случайное соединеніе кабинетовъ съ Фундаментальною Библіотекою, предложилъ выдѣлить ихъ изъ состава ея и признать такими самостоятельными учебно-вспомогательными учрежденіями, подвѣдомственными историко-филологическому факультету, каковыми они были въ дѣйствительности во время первоначальнаго ихъ основанія. Историко-филологическій кабинетъ вошелъ о семъ съ ходатайствомъ въ Совѣтъ Университета, который въ засѣданіи 24 февраля 1899 г.⁴⁾ опредѣлилъ: „просить Министерство разъяснить, можно ли понимать нумизматическій кабинетъ и археологическій музей, какъ учебно-вспомогательное учрежденіе историко-филологическаго факультета”, на что послѣдовало разрѣшеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія⁵⁾. Окон-

1) См. Приложенія, № 10.

2) Вслѣдствіе переноса его въ новое помѣщеніе и необходимости привести въ надлежащій порядокъ.

3) См. Приложенія, № 9.

4) Варшавскія Университетскія Извѣстія за 1901 годъ, выпускъ 2, протоколы, стр. 11 и 14, статья 17-ая.

5) Варшавскія Университетскія Извѣстія за 1901 г., выпускъ 5, стр. 3, статья 16 протокола совѣтскаго засѣданія 2 сентября того же года.

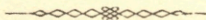
чательный разрывъ всей связи кабинетовъ съ Фундаментальною Библиотекою послѣдовалъ однако лишь въ 1903 г., когда они изъ библиотечнаго зданія были перенесены во вновь отведенное для нихъ особое помѣщеніе—залу № XI, находящуюся въ 3-мъ этажѣ перестроеннаго изъ бывшей библиотеки аудиторнаго зданія.

Помимо ходатайствъ завѣдывающаго археологическій Кабинетъ понынѣ не имѣетъ своего особаго бюджета; даже расходы по содержанію его въ порядкѣ и очисткѣ покрываются изъ суммы 100 руб., ассигнуемыхъ ежегодно изъ специальныхъ средствъ на нужды нумизматическаго кабинета. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть, конечно, рѣчи о приобрѣтеніи какихъ бы то ни было предметовъ на деньги. Кабинетъ увеличивается лишь дарами, которые время отъ времени присылаются разными учреждениями и лицами.

Въ числѣ такихъ учреждений первое мѣсто принадлежитъ Императорской Археологической Комиссіи, которая присылаетъ Кабинету въ даръ въ особенности тѣ предметы, которые были найдены въ губерніяхъ Царства Польскаго и высланы на устраиваемую ежегодно Комиссіею мартовскою выставку. Въ теченіе 1897—1902 гг. были получены Кабинетомъ: глиняный сосудъ (съ польскими, австрійскими, прусскими и шведскими монетами XVI и XVII столѣтій), найденный въ Новоалександрійскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи; такой же сосудъ съ 410 серебряными монетами гохмейстеровъ тевтонскаго ордена XV ст., найденный въ деревнѣ Праска, Липновскаго уѣзда, Плоцкой губерніи; коллекція кремневыхъ подѣлокъ, состоящая изъ 25 наконечниковъ стрѣлъ, обломка кремневого долота, ланцетовидныхъ ножинокъ, нуклеусовъ, скребковъ и обломковъ отъ нихъ, найденная на территоріи деревни Осувка, Стопницкаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи; глиняные черепки и кремневая подѣлка изъ раскопокъ, произведенныхъ И. О. Бѣляшевскимъ въ 1898 г. въ могильникѣ имѣнія Люшинъ, Кутновскаго уѣзда, Варшавской губерніи; желѣзный мечъ, найденный въ деревнѣ Рыловице, Сандомірскаго уѣзда, Радомской губерніи. Г. Варшавскій губернаторъ Д. Н. Мартыновъ обогатилъ коллекціи Кабинета пожертвованіемъ шести глиняныхъ горшковъ съ костями сожженныхъ покойниковъ и бронзовой вазы, найденныхъ на территоріи деревни Бржезины, гмины Брудно, Варшавскаго уѣзда. Изъ Фундаментальной библиотеки переданы въ Кабинетъ 200 мѣдныхъ и свинцовыхъ досокъ съ рисунками и картинами. Кабинетъ обязанъ за поднесенные ему дары и нѣкоторымъ профессорамъ Варшавскаго университета: Н. В. Насоновъ поднесъ ему въ даръ каменный молотокъ, найденный въ Люблинской губерніи; А. И. Щербаковъ — жетонъ съ надписью: „Souvenir de la Fête Nationale — 14 juillet 1894”; О. Ф. Вержбовскій — часть интересной по своей формѣ урны, найденной въ окрестностяхъ посада Черска, Горно-Кальварійскаго уѣзда, Варшавской губерніи; — обломки археологическихъ предметовъ (кости, кремни, бусы), найденныхъ на лѣвомъ берегу Вислы, выше предмѣстья Праги; — саблю и копье, найденныя въ курганѣ въ

Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Наконецъ, Казимиръ Марцинковскій подарилъ Кабинету черепки глиняной урны, найденные на территоріи гмины Брудно, вблизи Варшавы; Максимиліанъ Павловскій — старую свинцовую печать съ гербомъ „Корабль” и съ надписью „Petrus a Roviz”, найденную въ землѣ въ окрестностяхъ уѣзднаго города Равы, Петроковской губерніи.

Въ общемъ, къ 1 января 1904 г. числилось по археологическому кабинету 251 номеръ, въ 2259 экземплярахъ, стоимостью въ 3019 руб. 79½ коп. Въ настоящее время уже составлена новая опись веѣмъ предметамъ, хранящимся въ Кабинетѣ, и готовится къ печати каталогъ его.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Komisya Rządowa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Do wszystkich komisji Wojewódzkich.

Po wielu ratuszach i składach miejskich ¹⁾, postrzegać się dają szczątki nieistniejących już zwierząt, starożytne naczynia ²⁾, broń i zbroje, lub tym podobne osobliwości, a niektóre z nich nietylko przez posiadaczów nieznanne, ale nawet u ludu w mylnem rozumieniu miane za szczątki wielkoludów lub im podobnych. Namienione osobliwości częstokroć niepozorne, pojedynczo nie czynią żadnej korzyści, lecz zebrane razem wiele się mogą przyłożyć do rozszerzenia znajomości historii naturalnej kraju naszego i nauki starożytności polskich. W tym zamiarze Komisya Rządowa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego wzywa Komisję Województwa ³⁾, ażeby powagą swoją starała się skłonić posiadaczów takowych osobliwości, iżby je dla istotnego użytku kraju całego chcieli odesłać na koszt Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego do Warszawy do formującego się gabinetu starożytnych osobliwości. Ofiary tego rodzaju mile będą przyjęte, chociażby przedmiot ofiarowany zdawał się mieć wartość nie wielką. Lubo zaś każda ofiara dla kraju w sercu dającego obywatela ma już nagrodę, gdyby jednak niekiedy posiadacz jakowej osobliwości, acz sobie mniej przydatnej, żądał umiarkowanego wynagrodzenia, i w takim razie, za poprzedniczem jednak nadesłaniem opisu rzeczy mającej się odstąpić, Komisya Rządowa skoro ją uzna przydatną, nie odmówi wynagrodzenia.

Komisya Rządowa, spodziewając się, iż niniejsze wezwanie pożądanym będzie skutkiem, wyraża jeszcze to życzenie, ażeby przy nadesłaniu jakowej osobliwości, dołączony mógł być opis przedmiotu, miejsce jego znalezienia, czas przez jaki go właściciel posiadał, tudzież dawniejsze i teraźniejsze mniemanie o początku, naturze, lub znaczeniu przedmiotu.

Warszawa, 28 maja 1821 r., № 4066.

Minister Prezydujący *Stanisław Grabowski*.
Sekretarz Jeneralny *Głuszynski*.

¹⁾ Въ циркулярѣ къ епископамъ, помѣщенномъ тѣмъ же числомъ, вмѣсто этихъ словъ, поставлены слѣдующія: „По wielu kościołach i skarbcach kościelnych“.

²⁾ Въ циркулярѣ къ епископамъ прибавлены слова: „nie służące do kościelnego użytku“.

³⁾ Тамъ же эти слова замѣнены слѣдующими: „udaje się do JW. Księdza Biskupa“.

2.

Komisya Rządowa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.

Istniejący od lat kilku dopiero Królewsko-Warszawski Uniwersytet, opatrzony już został zakładami zbiorów naukowych, które acz dalekie są jeszcze od pożądaney zupełności, odpowiadają przecież w znacznej części pierwszej potrzebie doskonalącej się w naukach młodzieży i w miarę funduszków mogą być uzupełniane. Lecz niedostaje Uniwersytetowi pomocy do ważnej nauki starożytności i osobliwości kraju własnego, a tem trudniejsze jest zaradzenie tej potrzebie, że nabycie gotowych już tego rodzaju zbiorów rzadko się zdarzyć może i znacznych wymagałoby kosztów. Tymczasem wiele jest osób posiadających pojedyncze przedmioty, tyczące się historii naturalnej, jak np. kości, rogi, zęby i t. p. nieistniejących już zwierząt, miane niekiedy w mylnem rozumieniu za członki wielkoludów, lub im podobnych dziwotworów; wiele się znajduje innych osobliwości, jak np. broń starożytna, zbroje, naczynia wydobyte z ziemi i t. p. Rzeczy takowe pojedynczo zachowywane, żadnej prawie nie przynoszą korzyści, lecz razem zgromadzone, przyzwicie uporządkowane i ze stosownem objaśnieniem wystawione na widok publiczny, znacznie się mogą przyłożyć do rozszerzenia naturalnych i historycznych wiadomości.

Komisya Rządowa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, pragnąc dla dobra kraju Uniwersytet Warszawski opatrzeć w zbiory tego rodzaju, wezwała już duchowieństwo i władze krajowe, »żeby pierwsze znajdować się mogące po składach kościelnych, drugie po składach miejskich osobliwości, chciały Komisji Rządowej przysyłać i spodziewa się pożądanego skutku takowego wezwania. Lecz ponieważ idzie o rzecz publiczną, ponieważ zamiarem jest utworzyć zbiory, mające służyć do użytku młodzieży krajowej, Komisya Rządowa poczytuje sobie za obowiązek uczynić w tej mierze odezwe do Obywateli nawykłych w każdym razie nie szczędzić ofiar dla dobra kraju, upraszając, iżby wyżej namienione osobliwości bądź w ofercie dla tworzącego się gabinetu składać, bądź za umiarkowanym wynagrodzeniem odstępować raczyli. Zapewnia K. R., iż wszelki dar tego rodzaju mile będzie przyjęty, chociażby przedmiot ofiarowany zdawał się być nie okazały i mniejszej wartości, a imię dającego zachowane zostanie w trwałej pamięci. Co się tyczy nabycia jakowego przedmiotu, nimby K. R. względem wynagrodzenia wyrzec mogła, życzy sobie mieć poprzedniczo nadesłany opis rzeczy odstąpić się mającej. Komisya Rządowa wyraża jeszcze to życzenie, ażeby przy nadesłaniu jakowej osobliwości, ile sposobność dozwoli, wskazane być mogło miejsce i czas jej znalezienia, tudzież mniemanie o jej znaczeniu.

Warszawa, dnia 5 października 1821 r.

Stanisław Grabowski.

3.

Biskup Sandomierski, Królestwa Polskiego Senator, do Wysokiej Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.

W dopełnieniu reskryptu Wysokiej Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 28 maja b. r., № 4066, dnia 26 zeszłego miesiąca odebranego, wzywam w dniu dzisiejszym wszystkich księży plebanów i kościołów rządców, aby mi

osobliwości z szczątek nieistniejących już zwierząt i starożytnych do kościelnego użytku nie służących naczyń, broni, zbroji i tym podobnych składające się w sposobie wzmiankowanym reskryptem wskazanym opisali i opis tych osobliwości z dołączeniem swej deklaracji, czy takowe dla użytku dobra publicznego do Gabinetu starożytnych osobliwości bezpłatnie lub też za wynagrodzeniem odstąpią, przez właściwych księży dziekanów najdalej na dzień 30 przyszłego miesiąca sierpnia nadesłali.

O czem Wysoką Komisję Religijną z tem zapewnieniem uwiadomiam, iż jak tylko raporta z opisami wyżej wymienionych osobliwości od księży dziekanów odbiorę, takowe Jej przesłać nie omieszka.

Sandomierz, dnia 2 lipca 1821 r., № 697.

Ks. Prosper Burzyński, biskup Sandomierski.

4.

Wysokiej Komisji Rządowej Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.

Raportami przez księży dziekanów nadesłanymi uwiadomionym będąc, iż się w żadnym kościele dyecezyi Sandomierskiej starożytne osobliwości, a mianowicie: szczątki nieistniejących już zwierząt, naczynia, broń i tym podobne, któreby do formującego się Gabinetu przesłać można, nie znajdują: mam honor o tem Wysokiej Komisji Religijnej wskutek Jej szanownego reskryptu 28 maja b. r. w № 4066 odebranego, a duchowieństwu dyecezalnemu przez odezwę 2 lipca wzmiankowanego roku ogłoszonego, donieść.

Sandomierz, dnia 4 grudnia 1891 r., № 1253.

Najgłębsze uszanowanie

ks. Prosper *Burzyński*, biskup Sandomierski.

5.

W y k ł a d,

w jakim stanie znajduje się chorągiew w kościele parafialnym miasta rządowego Wizna w obwodzie i województwie Augustowskim. Takowej podług dołączonego rysunku drzewiec składający się z trzech części sub litera A. zawiera łokei 3 cali 19; sub litera C. łokei 1 cali 6; sub litera D. łokei 3 cal 1; od dołu do rękojmi łokei 1 cali 19; rękojmi cali 5; z drzewa jałowcowego, na powierzchni włóknum konopuem na kit okręcony i w kolorach różnych nieco laserunkowo na posrebrzeniu malarskiem malowany i lakierowany, lecz w niektórych miejscach aż do drzewa uszkodzonego dęto robiony; od niejkiej części od dołu, aż pod wierzeh, w środek niezgrabny kij leszczynowy zasadzony. Sub litera B. chorągiew w dwóch kolorach z końcami dartymi podług rysunku zawiera w czterech częściach łokei 1, cali 10¹/₂ od drzewca do dartych końców długości; łokei 1 cali—przy osadzie drzewca szerokości, końce zaś po łokei 4 cali 21 długości. Takowa z materyi jedwabnej gredytur zwanej do krajki czyli szlaku od ordynaryjnego sukna trzema żelaznymi ¹/₄ zamkowymi gwoździkami i 6 z kruszczu mosiężnego ówieczkami do drzewca jak w rysie oznaczono przymocowaną na 8 haczykach z haftkami zaczepona, w szczątkach

pozostaje w kościele parafialnym miasta rządowego Wizny, w obwodzie i województwie Augustowskim położonego.

Sporządzony dnia 30 czerwca 1822 roku na skutek reskryptu Komisji województwa Augustowskiego, z daty 6 maja 1822 roku, № 14279/3727.

Seyfried, budowniczy obwodu Łomżyńskiego

6.

Do Jaśnie Wielmożnego Grabowskiego, Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.

Mam honor uwiadomić JW. Ministra, że kopiąc fundamenta pawilonów i stajen koczarskiej jazdy w Łazienkach Królewskich, wydobyte z ziemi dwie urny pogrzebowe starożytne Jego Cesarzewiczowska Mość W. Ks. Wódz Naczelny oddać takowe pod zarządzenie JW. Ministra rozkazał, czyli takowe JW-ny Minister do Uniwersytetu lub do Towarzystwa Przyjaciół Nauk oddane mieć chce, jeżeli godnymi zachowania uznane będą, raczysz mnie zawiadomić.

Warszawa, dnia 12 czerwca 1824 r. № 735.

Dowódca korpusu artylerji i inżynierów
Generał dywizji Hauke.

Ma honor Minister upraszać JW. Generała Hauke przy podziękowaniu o złożenie urn w Komisji, która je do Uniwersytetu oddać zamysła.

d. 14 czerwca 1824 r.

7.

Komisja Rządowa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.

Do komisji województwa Krakowskiego w Kielcach.

Z pism publicznych powzięła wiadomość, iż we wsi Wrocimowicach, obwodzie Miechowskim, odkryte zostały dwa podziemne sklepy, z których w jednym znaleziono rozmaite żelastwa, w drugim zaś kości zwierząt domowych. Gdy w sklepach tych znajdować się mogą ważne jakowe osobliwości, a nawet i wspomniane żelastwa, tudzież kości po bliżkiem rozpoznaniu mogą okazać cechy odległej starożytności: przeto K. R. wzywa Komisję województwa Krakowskiego, aby poleciła komu wypada bliższe powziąć na miejscu przekonanie, czyli w sklepach wspomnianych nie znajdują się jakowe starożytne osobliwości, które byłyby godnymi pomieszczenia w właściwym Gabinetie przy Królewsko-Warszawskim Uniwersytecie, a w takim razie donieść Komisji Rządowej, jakby najdogodniej nabytymi i sprowadzonymi być mogły do Gabinetu.

Warszawa, dnia 1 lipca 1823 r.

8.

**Sprawozdanie z odkrycia popielnic słowiańskich pod Łęczną w guberni
Lubelskiej,**

redakcyi F. Jezierskiego.

W odległości prawie dwóch wiorst od miasteczka na piaszczystej płaszczynie mnóstwo drobnych kości i ułomków z popielnic sterzających tu i owdzie, wreszcie kilka całych albo w połowie zachowanych popielnic, było pierwszym powodem do badań i natrafieniem na długą żyłę popielnic. Powtórzywszy to samo w kilku miejscach rozmaitych, przekonałem się, iż to odkrycie stanowić będzie jeden z najważniejszych faktów archeologicznych. Nie jest to kilka lub kilkanaście urn, lecz całe kładowisko z czasów pogańskiej słowiańszczyzny. Ma ono kształt doskonałego okręgu o pięćdziesięciu krokach średnicy. Po kilkakrotnem zajęciu rydłem zaczyna się pokazywać masa drobnych kości, a później czarne brzegi popielnic, które za najmniejszym dotknięciem rozsypują się. Są to naczynia, ulepione z gliny, pomieszanej z piaskiem, zczerniałe w gruncie, po wydostaniu przybierają kolor różowy w srebrnych połyskach. Kształty ich są rozmaite, równie jak i sama wielkość. Głównych form odróżnić można dwie:

a) pierwsza, podobna zupełnie do szklanej rurki, zakończonej obszerną bańką, z dwoma uchami po bokach, spadającymi pionowo — i takich form zdaje się, że było najwięcej;

b) druga, mająca kształt prostej dzieży wyginającej się ku górze i zakończonej (u góry) dookoła wyłogiem; ten ostatni służył zapewne za ozdobę i zastępował miejsce rękojeści.

Wielkość popielnic była bardzo rozmaita, jak się wnosić daje z rozmaitych ułomków. Pomiedzy innemi znalazłem denko z bokiem tak małe, iż całość, które onej część stanowiły, nie przewyższała objętości kwarty polskiej. Były tu złożone zapewne popioły dziecięcia. Grubość zlepu dochodzi od $\frac{1}{3}$ do $\frac{3}{4}$ a nawet do cala, szczególnie w denku i nad samą podstawą. Najtrudniejszym do odkrycia jest odcień w mechanizmie roboty. Bo sam fakt różnicy w sztuce i wykończeniu jest niewątpliwy. Są nawet pozory naprowadzające na domysł, że niektóre z nich okryte były polewą. Popielnica wystawiona przez dni kilkanaście na działanie powietrza, może nabrać pewnej mocy i skupienia, czyniącego jej wydobyć podobnem. Naczynie, jak powiedziałem, napełnione jest kośćmi. Wszystkie cechy palenia na miejscu spostrzegać się tu dają: i tak mnóstwo żył popiołu, pokazujących się tu i owdzie na płaszczynie i pod ziemią, dalej szczątki drzewa na pół obróconego w popiół, a napół zepsutego jeszcze w stanie organicznym. O ile zesłanemu na miejsce zdaje się, pomiędzy szczątkami znajdują się kości nietylko ludzkie, lecz nawet takiej wielkości i kształtu, który napomyka o budowie zwierzęcej. Czyby to nie były kości rumaków, które palono wraz z umarłymi, podług świadectwa pisarzy słowiańskich i zachodnich? Ten domysł jednak zostawiam, jak dotąd jeszcze, na stanowisku hipotezy. W dalszem rozwinięciu danych faktów okazuje się, iż: 1) popielnice po spaleniu na kładowisku wstawiane były w piasek i zasypywane, albowiem żadnej pokrywy nie zdarzyło się znaleźć; zresztą sama budowa urny każe się domyślać, iż była otwartą, i to jest główny charakter popielnic. 2) Z ustawianych ciągle rzędami popielnic utworzyły się pokłady, z których najgłębszy, podług naocznego przekonania się zesłanego, leży na łokieć pod powierzchnią poziomu, albowiem podkopując ostatni pokład jeszcze na

lokieć, już żadnej urny nie odkryto. Wynika stąd, iż po zrównaniu się pokładów (dwóch) z powierzchnią poziomu, zaczęła się tworzyć nowa warstwa popielnic nad kładowiskiem. Jakoż rzeczywiście na niektórych, dotąd jeszcze istniejących wyniosłościach, odkrywają się urny przecięte w rozmaitych punktach, a nawet w połowie i w samym denku.

Przy tem, o ile zasłyszałem od mieszkańców okolicy, dawnymi czasy była tu dość znaczna wyniosłość, którą zniósł wiatr i odkrył tym sposobem popielnicę górnego pokładu. Ten ostatni pokład jako najpóźniejszy zawierał urny zupełnie niezepsute, które jednak poniszczaly, nie zwróciwszy na siebie niczyjej uwagi. Pomiedzy urnami spostrzegają się dają pewne różnice co do wyrobu, a nawet co do samego materiału. Jedne z nich są nierównie kształtniejsze od innych i tę okoliczność dwojako tłumaczyć można: albo jako wynikłą wprost z różnicy stanowiska, jakie umarli zajmowali za życia w ówczesnem społeczeństwie, albo, co nierównie wyższe jest i podobniejsze do prawdy, że w tych różnicach (co do kształtu i doskonałości wyrobu) należy widzieć stopniowanie samej sztuki, rozmaitym czasom odpowiadające, zwłaszcza że mniej foremne naczynia dają się spostrzegać właśnie w dolnych warstwach kładowiska. Na niektórych znajdują się ozdoby ze znaków SS nierówno po sobie idących pionowo. W ogóle jednak kształt popielnic, to jest: sam rysunek i rozkład mechanizmu odznacza się nierównością, grubymi wymiarami i brakiem wszelkiego wykończenia, co podwaja przekonanie, iż one są nie tylko zabytkiem cząstkowym, ale wielką całością archeologiczną, dawną, przedchrześcijańską i niewątpliwą. I jeżeli okolice Rennu, szczególnie w ostatnich latach naszego wieku, wydały mnóstwo odkryć w zakresie starożytności klasycznych, tedy z całym przekonaniem powiedzieć można, iż przy staraniach uczonych i zgromadzeniu środków ziemie słowiańskie, równie odkrywają nam łono przeszłości swojej i wyjaśnia wiele dotychczasowych tajemnic historycznych.

Lublin, dnia 16/28 maja r. 1845.

F. Jeziński.

9.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о нумизматическомъ кабинетѣ и музеѣ древностей (археологическомъ кабинетѣ) Императорскаго Варшавскаго Университета.

Основаніемъ нумизматическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго Университета послужила коллекція майора Бернацкаго, которая на основаніи спеціальнаго разрѣшенія Административнаго Совѣта Царства Польскаго, отъ 7/19 октября 1824 г., съ цѣлью обогащенія университетскихъ научно-вспомогательныхъ учреждений, была приобрѣтена для Королевскаго Варшавскаго Университета Правительственною Комиссією Просвѣщенія за 1500 руб., уключенныхъ Бернацкому въ одинъ разъ, и за 600 руб. годоваго жалованья, которое упомянутая Комиссія обязалась платить тому же Бернацкому пожизненно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ состоялъ консерваторомъ или хранителемъ названной коллекціи, при чемъ послѣдняя, до приспособленія Университетомъ соотвѣтствующаго помѣщенія и приобрѣтенія шкафовъ, передана была на храненіе не въ Публичную Библиотеку, но въ кассу самой Комиссіи. Нѣсколько лишь

древних грамотъ, оказавшихся въ коллекціи Бернацкаго Правительственной Комиссіею Просвѣщенія было передано Публичной Библіотекѣ на храненіе. Изъ этого видно, что между Публичною (нынѣ Фундаментальною Университетскою) Библіотекою и учреждаемымъ Нумизматическимъ Кабинетомъ не было никакой связи; напротивъ, Правительственная Комиссія Просвѣщенія смотрѣла на Нумизматическій Кабинетъ, какъ на самостоятельное учебно-вспомогательное учрежденіе Королевскаго Университета.

Дальнѣйшія распоряженія Комиссіи и другіе факты вполне подтверждаютъ это. Когда въ томъ же году изъ Сандомира были получены найденные при раскопкѣ земли 24 экземпляра древнихъ монетъ, Правительственная Комиссія Просвѣщенія препроводила таковыя къ ректору Университета, для приобщенія къ университетской коллекціи. Когда въ 1825 г., согласно постановленію галиційскихъ сословій, была отчеканена медаль въ честь гр. М. Оссолинскаго, учредителя Института Оссолинскихъ во Львовѣ, галиційскія сословія представили въ Правительственную Комиссію три экземпляра этой медали, категорически заявивъ при этомъ, что они предназначаются „для коллекціи Варшавскаго Университета“.

Приведеніемъ въ систематическій норядокъ коллекціи Бернацкаго (который вскорѣ умеръ) занимался деканъ факультета изящныхъ искусствъ Феликсъ Бентковский; онъ же подписалъ контрактъ съ ремесленниками, производившими перестройки и приспособленія въ залѣ, отведенномъ для нумизматическаго кабинета, на что Совѣтомъ Университета, съ утвержденія Правительственной Комиссіи Просвѣщенія, ассигнована была сумма въ 1120 злотыхъ изъ университетскаго строительнаго фонда, въ помощники же Бентковскому по нумизматическому кабинету былъ назначенъ нѣкій Тенсіоровскій, который отъ Правительственной Комиссіи Просвѣщенія получалъ за это особое вознагражденіе въ количествѣ 120 злотыхъ въ мѣсяць.

Такое положеніе Нумизматическаго Кабинета было косвенно утверждено и законодательнымъ порядкомъ, такъ какъ Административный Совѣтъ Царства Польскаго въ засѣданіи 13/25 ноября 1826 г., отъ Высочайшаго Имени, постановилъ, чтобы экземпляры всѣхъ чеканенныхъ въ Царствѣ Польскомъ медалей представляемы были между прочимъ и въ кабинетъ „при Королевскомъ Варшавскомъ Университетѣ“ (Дневникъ законовъ Царства Польскаго, томъ XI, стр. 371).

Что касается Музея древностей, или Археологическаго Кабинета, то, послѣ учрежденія Королевскаго Варшавскаго Университета, Правительственная Комиссія Просвѣщенія въ 1821 г. разослала циркулярное предложеніе ко всѣмъ воеводскимъ Комиссіямъ и ко всѣмъ епархіальнымъ епископамъ Царства Польскаго о томъ, чтобы всѣ древніе предметы, сосуды и вещи, имѣющіе археологическую цѣнность и хранимые разрозненно по одиночкѣ въ городскихъ ратушахъ и складахъ, а также при церквяхъ, пересылаемы были на казенный счетъ въ учреждаемый кабинетъ древностей, который долженъ служить Университету нособіемъ при изученіи мѣстной археологіи и древностей. Понинѣ хранятся въ Кабинетѣ многіе предметы, присланные такимъ порядкомъ въ Университетъ въ 20-хъ годахъ. Затѣмъ, при разныхъ случаяхъ, когда въ какой-либо мѣстности были найдены археологическіе предметы, Правительственная Комиссія Просвѣщенія, по собственному почину, предписывала административнымъ властямъ заботиться о доставленіи ихъ въ Варшаву „для помѣщенія въ соотвѣтствующемъ кабинетѣ при Королевскомъ Варшавскомъ Университетѣ“, какъ дословно сказано, на примѣръ, въ предложеніи ея Комиссіи Краковскаго воеводства отъ 1/13 іюля 1823 г. Видно, слѣдовательно, что Пра-

вительственная Комиссія Просвѣщенія и на этотъ Кабинетъ (лишь въ 70-хъ годахъ названный музеемъ древностей) смотрѣла, какъ на особое университетское учебно-вспомогательное учрежденіе, не находящееся ни въ какой связи, а тѣмъ паче зависимости, отъ Публичной (нынѣ Фундаментальной Университетской) Библіотеки.

Связь эта чисто, впрочемъ, внѣшняя, установилась лишь съ 1832 г., въ которомъ послѣдовало закрытіе Королевскаго Университета. Некуда было дѣвать нумизматическія и археологическія (неболшія по объему и составу) коллекціи, и онѣ просто переданы были въ депозитъ Публичной Библіотекѣ, въ зданіи которой и находились онѣ нѣкогда. Съ тѣхъ норъ хранились онѣ при ней, какъ депозитъ. Съ 1832 по 1871 годъ не имѣется почти никакихъ документовъ, относящихся къ Нумизматическому и Археологическому Кабинету. Приращенія и дары нѣсколькихъ лицъ, пожертвованные въ 60-хъ годахъ, были записаны библіотекаремъ Пржиборовскимъ въ особую книгу, не имѣющую официального характера.

Послѣ учрежденія Императорскаго Варшавскаго Университета, Совѣтомъ послѣднего была избрана особая комиссія, изъ представителей всѣхъ четырехъ факультетовъ, для обсужденія вопроса и представленія соображеній относительно передачи Главной Библіотеки въ вѣдѣніе Университета. Эта комиссія въ своемъ докладѣ, представленномъ въ засѣданіи Совѣта, состоявшемся 15 сентября 1870 г. (Варшавскія Университетскія Извѣстія за 1870 годъ, выпускъ 5, статья протокола 8-ая), ни словомъ не упомянула о Нумизматическомъ Кабинетѣ и о Музеѣ древностей: видимо, по той причинѣ, что она не считала ихъ неразрывными съ нею учрежденіями. Поэтому весьма странно, что безъ всякихъ мотивовъ и данныхъ исходатайствовано было Высочайшее новелѣніе, состоявшееся въ 1 день мая мѣсяца 1871 г., которымъ приказано было, чтобы „Варшавскую Главную Библіотеку, съ состоящими при оной Нумизматическимъ Кабинетомъ и Музеемъ древностей передать въ непосредственное вѣдѣніе Императорскаго Варшавскаго Университета“. Въ исполненіе такового Высочайшаго повелѣнія, Совѣтъ Университета избралъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ декана юридическаго факультета Кашницы, для приѣма Публичной Библіотеки. Эта комиссія 23 іюня 1871 г. протокулярно приняла музей древностей отъ Ипполита Скимборовича, чиновника библіотеки и хранителя его, и сдала таковой 29 ноября 1871 г. не университетскому библіотекарю Барсову, вновь назначенному на эту должность, но члену историко-филологическаго факультета проф. Мѣржинскому; Нумизматическій же кабинетъ былъ также сданъ (протокола сдачи въ дѣлахъ Кабинета не имѣется) члену того же факультета проф. Павинскому. Слѣдовательно, и эта вторая совѣтская комиссія не смотрѣла на Музей и Кабинетъ, какъ на нѣчто составляющее нераздѣльное цѣльное съ университетскою библіотекою, но какъ на особія учебно-вспомогательныя учрежденія, принадлежащія самому университету. Слѣдуетъ прибавить, что оба завѣдывающіе, проф. Мѣржинскій и Павинскій, были избраны историко-филологическимъ факультетомъ и утверждены въ этомъ званіи Совѣтомъ Университета въ засѣданіи, состоявшемся 9 ноября 1871 г. Слѣдовательно, и Факультетъ, и Совѣтъ смотрѣли на Музей и на Кабинетъ, какъ на учрежденія, принадлежащія ихъ непосредственному вѣдѣнію, университетскій же библіотекарь Барсовъ не претендовалъ даже на участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ составленныхъ имъ и представленныхъ въ 1871 году на утвержденіе Совѣта правилахъ объ университетской библіотекѣ, нѣтъ ни слова о Музеѣ и о Кабинетѣ, о которыхъ должна бы итти рѣчь, если бы они составляли интегральную часть ея.

Хотя, слѣдовательно, въ Высочайшемъ повелѣніи сказано о передачѣ университета библіотеки, вмѣстѣ съ „состоящими“ при оной Кабинетомъ и Музеемъ, то упомянутого повелѣнія нельзя понимать такимъ образомъ, чтобы Кабинетъ и Музей, бывшіе лишь депозитомъ Библіотеки, составляли одно неразрывное съ нею цѣлое. Дѣло сводится къ неправильно употребленному слову „состоящій“ вмѣсто находящійся или тому подобнаго, и тѣмъ лишь объясняется, что Кабинетъ и Музей помѣщались всегда въ томъ же зданіи, что и Библіотека. При составленіи плана новаго зданія библіотеки не была принята во вниманіе необходимость создать въ этомъ зданіи соотвѣтственное помѣщеніе для Кабинета и Музея. Въ ближайшемъ будущемъ придется даже совѣмъ разорвать эту случайную и искусственную связь, такъ какъ Библіотека нуждается въ томъ залѣ, въ которомъ помѣщены Кабинетъ и Музей; сверхъ того, эта комната слишкомъ мала для Кабинета и Музея, такъ что оказывается необходимымъ прискаты для нихъ другое помѣщеніе. Впрочемъ, если Высочайшимъ повелѣніемъ разрѣшено Университету принять въ свое вѣдѣніе Кабинетъ и Музей, то разумѣется само собою, что этимъ представлено также Университету право опредѣлить положеніе Кабинета и Музея по своему усмотрѣнію, то есть, самъ же Университетъ имѣетъ полнѣйшее основаніе рѣшить вопросъ: соединить ли впредь Кабинетъ и Музей съ Библіотекою, или сдѣлать изъ нихъ особыя учебно-вспомогательныя учрежденія, присоединенныя къ тому факультету, къ специальности котораго они подходятъ, тѣмъ болѣе что относительно Кабинета и Музея въ Высочайшемъ повелѣніи нѣтъ никакихъ положительно указаній, которыя какимъ бы то ни было образомъ опредѣляли бы дальнѣйшее положеніе ихъ и которыя ограничивали бы права университетскаго совѣта въ этомъ отношеніи.

Такъ какъ нумизматика и археологія—вспомогательныя науки исторіи, то очевидно, что и Кабинетъ, и Музей должны подлежать непосредственному вѣдѣнію историко-филологическаго факультета, имѣющаго въ своей средѣ специалистовъ, способныхъ завѣдывать ими. Въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ библіотеки могутъ быть соединяемы съ разными коллекціями; но нѣтъ примѣра, чтобы съ громадною университетскою библіотекою, содержащею около полъ милліона книгъ, ставить въ связь нумизматическій и археологическій кабинетъ, такъ какъ библіографія и библіотечное дѣло съ одной, а нумизматика и археологія съ другой стороны, далеко отстоятъ другъ отъ друга и требуютъ не одинаковой подготовки: образцовый библіотекарь можетъ ничего не смыслить по нумизматикѣ и археологіи и не имѣть практики въ области ихъ; завѣдываніе такими кабинетами или контроль надъ ними были бы для него лишь тормозомъ и неумѣстною тяжестью. Это тоже далеко не маловажный мотивъ, какъ въ пользу окончательнаго разрыва этой фиктивной и чисто теоретически-случайной связи Кабинета и Музея съ университетскою библіотекою, такъ и постановки ихъ, какъ самостоятельныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений. Такая постановка ихъ можетъ лишь принести имъ пользу.

Такъ какъ положеніе Музея древностей должно быть окончательно опредѣлено, то при этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что это названіе „музей древностей“ также случайно; явилось оно, какъ терминъ, только въ 70-хъ годахъ и названная имъ коллекція во время существованія Королевскаго Варшавскаго Университета въ 20-хъ годахъ называлась „кабинетомъ“. Названіе „музей“ слишкомъ торжественно и высокопарно или претенсіонально для такой небольшой коллекціи. Поэтому было бы вполне уместнымъ предать забвенію этотъ неподходящій терминъ или названіе и утвердить

официально болѣе удобное и вполнѣ подходящее для этой университетской коллекции названіе: „Археологическій Кабинетъ“.

орд. проф. *Едодъ Вержбовскій.*

Варшава, ^{16/}₂₈ января 1899 г.

10.

П Р А В И Л А,

соблюдаемыя при посѣщеніи Археологическаго и Нумизматическаго Кабинета ¹⁾ Императорскаго Варшавскаго Университета.

§ 1. Кабинетъ открытъ для постороннихъ посѣтителей по воскресеніямъ съ 12 до 1¹/₂ пополудни.

§ 2. Желающіе посѣтить Кабинетъ оставляютъ палки, зонтики и калоши у швейцара аудиторнаго зданія.

§ 3. Лицамъ, носѣщающимъ Кабинетъ, воспрещается дѣлать, безъ вѣдома и разрѣшенія завѣдывающаго, замѣтки, копіи и рисунки съ какихъ бы то ни было предметовъ, хранящихся въ Кабинетѣ.

§ 4. Воспрещается трогать какіе бы то ни было предметы, находящіеся въ Кабинетѣ. За разбитіе стеколъ и причиненіе какого-либо ущерба виновные обязаны возмѣстить убытокъ.

§ 5. Въ Кабинетѣ курить воспрещается.

§ 6. Въ ненастные дни и вообще въ случаѣ сырости на дворѣ въ Кабинетъ допускаются только лица, являющіяся въ аудиторное зданіе въ калошахъ.

§ 7. Дѣти моложе 9 лѣтъ допускаются въ Кабинетъ только въ сопровожденіи взрослыхъ.

§ 8. Завѣдывающіе мужскими и женскими, казенными и частными, учебными заведеніями, желающіе носѣтить Кабинетъ вмѣстѣ съ учениками или ученицами, въ неназначенное для публики дни, благоволятъ заранѣе условливать относительно дня и часа посѣщенія съ завѣдывающимъ Кабинетомъ.

§ 9. Члены Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета, преподаватели того же Университета, ученые, какъ мѣстные, такъ и пріѣзжіе, рускіе подданные, желающіе воспользоваться коллекціями Кабинета для ученыхъ цѣлей, благоволятъ обращаться непосредственно къ завѣдывающему Кабинетомъ.

§ 10. Заграничные ученые, желающіе изучать коллекціи Кабинета, подаютъ о томъ письменное заявленіе завѣдывающему.

§ 11. Всякія репродукціи, анализы и т. п. могутъ быть производимы только съ разрѣшенія Ректора Университета.

§ 12. Въ лѣтнее каникулярное время (іюль, августъ) Кабинетъ для посѣтителей не открывается.

¹⁾ Кабинетъ находится въ аудиторномъ зданіи Университета (Зданіе б. Главной или Фундаментальной Библіотеки), въ 3-емъ этажѣ, зала № XI.

Акц. 349 / d.
3.18.87 / 87

B.4143